

ДЕПОРТАЦИИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 1940-ЫЕ ГОДЫ КАК ФАКТОР ДИАСПОРИЗАЦИИ И МОДЕРНИЗАЦИИ

Аккиева С.И.¹, Сампиев И.М.²

¹ФГБУН Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН, 360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18, E-mail: kbigi@mail.ru

² ФГБОУ ВПО Ингушский государственный университет, 386102, Республика Ингушетия, г. Магас, ул. Х.-Б. Муталиева, 6, E-mail: ing_gu@mail.ru

Статья посвящена насильственной депортации народов Северного Кавказа в 1940-ые годы и ликвидации их государственности. Авторы анализируют последствия насильственного выселения как для опустевших территорий, так и социального, культурного, демографического развития выселенных народов. Насильственное выселение северокавказских народов стало важным фактором диаспоризации. В статье исследуются адаптационные стратегии выселенных народов в принимающее сообщество и выявлены социокультурные механизмы адаптации. В депортационный период проявилась особая тяга выселенных народов к знаниям и получению профессий, требующих высокого уровня образования. Насильственное выселение стало не только фактором диаспоризации, но и заложило импульс для модернизации депортированных народов, в который они активно вступили после возвращения на родину и восстановления национальной государственности. Важную роль в модернизационных процессах последующего времени сыграл накопленный в депортационный период социокультурный опыт выселенных народов.

Ключевые слова: депортация, государственность, идентичность, модернизация, адаптация, диаспора, Северный Кавказ.

DEPORTATION OF THE PEOPLES OF THE NORTHERN CAUCASUS IN THE 1940S AS A FACTOR OF DIASPORIZATION AND MODERNIZATION

Akkieva S.I.¹, Sampiev I.M.²

¹The Federal State Budgetary Establishment of Science the Institute of Humanitarian Research of Kabardian-Balkarian Scientific Center of RAS

²Ingush state university

The article is dedicated to the forcible deportation of the peoples of the Northern Caucasus in 1940s and liquidation of their statehood. The authors of the article analyze the consequences of the forcible displacement for the abandoned territories that became empty as well as for the social, cultural and demographic development of the deported peoples. The forcible deportation of the Northern Caucasus peoples became an important factor of diasporization. Adaptive strategies of the deported peoples into the host community are being under this study and socio-cultural mechanisms of the adaptation have been revealed. In the deportation period the particular thirst of the deported peoples for knowledge and obtaining the professions requiring high level of education was shown. The forcible deportation turned out to be not only the factor of diasporization but gave an impulse for modernization of the displaced peoples in which they actively entered after returning to their homelands and re-establishing of their national statehood. The accumulated in the deportation period socio-cultural experience of the deported peoples played an important part in the modernization processes of the following time.

Keywords: deportation, State system, identity, modernization, adaptation, diaspora, Northern Caucasia.

Формирование северо-кавказской диаспоры в странах Центральной Азии относится к советскому периоду истории и связано с 30-х-40-ми годами XX века. Первый ее этап начинается в 30-ые годы и связан с периодом коллективизации, когда семьи так называемых «кулаков» из числа народов Северного Кавказа были сосланы в Киргизию, Казахстан, Узбекистан и др. Второй период связан с насильственной депортацией народов Северного Кавказа чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев в 1940-ые годы. В ноябре 1943 г.

насильственное переселение было применено к карачаевскому народу, а в 1944 г. тотальной депортации подверглись чеченский, ингушский и балкарский народы. Национальные автономии народов, подвергшихся насильственному выселению, были упразднены и изданы соответствующие Указы Президиума Верховного Совета ССР. Политические права депортированных народов были урезаны, их поступательному развитию был нанесен существенный, а в некоторых сферах невосполнимый урон. Самое же главное и основное было то, что их развитие в рамках национально-территориальной государственности было прервано.

В результате выселения северокавказских народов (ингушей, чеченцев, балкарцев, карачаевцев) обезлюдела территория в 35 тыс. кв. км. – размером почти со Швейцарию [5, с.106]. Встал вопрос об освоении опустевших земель. Телеграммой от 1 марта 1944 года Л. Берия докладывал И. Сталину, что партийные и советские руководители Грузии, Дагестана и Северной Осетии, т.е. республик, к которым отошла значительная часть земель ликвидированных автономий, «приступили к работе по освоению отошедших к этим республикам новых районов» [2, с. 200].

Депортация негативно сказалась на состоянии экономики края, откуда были насильственно изгнаны чеченцы, ингуши, карачаевцы и балкарцы. В результате выселения народов огромные площади земель пришли в запустение, был нанесен сильнейший удар по традициям животноводства и земледелия, традиционным ремеслам депортированных народов. Местным властям в течение долгого времени не удалось наладить нормальную хозяйственную жизнь в регионе, откуда были подвергнуты насильственному выселению народы.

Народы Северного Кавказа, подвергшиеся насильственному выселению, были расселены локальными малыми группами в сельской местности, на территории существующих колхозов в Казахстане, Киргизии и Узбекистане. В связи с тем, что подавляющее большинство депортированных было размещено в сельской местности, они оказались включены в колхозную систему трудоиспользования и материального обеспечения. Работа в совхозах и колхозах в 1940–1950-ые гг. большинством современных историков приравнивается к крепостному праву и оценивается как проявление экономического принуждения. Принудительный труд являлся основой колхозной системы, а для представителей депортированных народов, не имевших по сравнению с местным населением огородов, домашнего хозяйства, укоренившихся родственников в местности населения, стал категорическим императивом существования [10].

С первых дней в местах насильственного поселения представители депортированных

народов стали трудоустраиваться, активно участвовать в производственном процессе. Чеченцы, ингуши и балкарцы попали в места поселения в феврале-марте, т.е. к началу периода сельхозработ, что способствовало их быстрому вовлечению в производственную сферу. По сообщениям органов НКВД и отдела спецпоселений, все трудоспособные, а это в подавляющем большинстве были пожилые люди, женщины и подростки, поступили на работу в колхозы и совхозы, в строительные и иные организации. Подавляющее большинство прибывших в первые же дни после расселения приступило к работе, «причем характерно, что люди вышли на работу по собственному желанию». Работы в колхозах и совхозах было много, но только тяжелой, физической. Спецпереселенцы не знали ни расценок, ни норм выработки, их обсчитывали на каждом шагу. В некоторых районах их не принимали в колхозы и не ставили на хозяйственный учет. Принятым в сельхозартель работникам не заводили трудовых книжек, они не имели представления о том, сколько ими выработано трудодней. Что касается оплаты труда спецпереселенцев, то хотя и рекомендовалось устанавливать «на равных условиях с другими членами колхозов», фактически этого не было. О работе по специальности в первое время не могло быть и речи. Особенно трудным было положение интеллигенции, которая вынужденно занималась любой работой [1].

На первых порах депортированным (особенно карачаевцам, выселенным зимой) пришлось исключительно тяжело в силу непривычности климата, физической слабости и неимения навыков во многих новых видах труда, как, например, в выращивании сельхозкультур (табака, сахарной свеклы, хлопка). В привычных же видах сельхозработ (уход за скотом, заготовка сена, уборка хлеба) своим умением народы Северного Кавказа удивляли местных жителей и руководителей хозяйств. В условиях слабой, фрагментарной правовой обеспеченности депортированных, произвола местных властей и скудости военного времени насильственно высланным представителям народов Северного Кавказа приходилось рассчитывать на милость администрации колхозов и прежде всего председателя. Нередко ударный труд спецпереселенцев вызывал у местных жителей, с одной стороны, дух состязательности, а с другой, раздражение. Руководители хозяйств признавались, что спецпереселенцы добивались более высоких производственных результатов, чем местное население, в колхозах и совхозах повысилась урожайность сельскохозяйственных культур, улучшилась культура животноводства. В этом сказались хозяйственные навыки, мастерство и самоотверженный труд ссыльных. Местное население, работая с депортированными, перенимали у них навыки ухода за скотом, формы и методы заготовки кормов на зиму и многое другое.

Трудовые достижения депортированных (возросшие с появлением демобилизованных с войны мужчин) нередко отмечала местная печать. Да и отношение к депортированным со стороны руководства колхозов и предприятий в целом изменилось к лучшему, т.к. фронтовики из числа депортированных были более грамотными, чем местные руководители, и немалую роль играло то, что был развенчан миф о предательстве выселенных народов, о том, что они служили немцам и многое другое.

На 1946 г. в сфере трудовой занятости спецпереселенцев Северного Кавказа (чеченцы, ингуши, карачаевцы и балкарцы) в количестве 131480 семей (498870 чел.), расселенных в Казахстане (111980 хозяйств – 426021 чел.) и Киргизии в своем большинстве были устроены, т.е. трудоспособные были вовлечены в трудовую деятельность. По данным Наркома внутренних дел Союза ССР С. Круглова, из общего числа 205000 трудоспособных было занято на работе в промышленности, на строительстве и в сельском хозяйстве 194800 человек, 81450 семей вступили в колхозы [6]. Естественно, что наибольший процент депортированных был задействован в сельском хозяйстве, но довольно значительная часть из них попала в отрасли, в которых представители этих народов до высылки не работали. Так, на 1 января 1949 г. в Министерстве сельского хозяйства на работах было занято 125 753 чел. чеченцев и ингушей; в угольной промышленности – 6 175 чел., в металлургии – 9 737 чел., в местной промышленности – 12 011 чел., в нефтяной – 600 чел., в торговле – 2 107 чел., в Министерстве внутренних дел – 740 чел. [3].

Работали не только трудоспособные, но и подростки, старики, инвалиды, потому что труд стал основой выживания и адаптации к условиям депортации. Выселенные с родных мест карачаевцы, балкарцы, чеченцы и ингуши работали не только в колхозах, но и на промышленных предприятиях, в шахтах, рудниках, на лесоповале, в строительстве. Они осваивали новые виды трудовой деятельности ранее для них непривычные: работа в рудниках, шахтах, выращивание хлопка, табака, свеклы и т.д. И за короткое время овладели навыками труда, что нередко опережали местное население. Поэтому в некоторых колхозах Киргизии были созданы отдельные свекловодческие и хлопководческие звенья и бригады из переселенцев. Руководители хозяйств признавались, что спецпереселенцы добивались более высоких производственных результатов, чем местное население, в колхозах и совхозах повысилась урожайность сельскохозяйственных культур. В этом сказались хозяйственные навыки, мастерство и самоотверженный труд ссыльных.

В народном хозяйстве Казахстана и Киргизии трудились тысячи стахановцев из числа депортированных народов. Так, в Ворошиловском районе Фрунзенской области в 1946 г. было отмечено 51 стахановец и 70 ударников труда из числа балкарцев. В 1947 г. в

Иссукульской области 122 балкарца получили медаль за доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. [7]. В Лениногорском районе Казахстана «Медалью за доблестный труд в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» были награждены 18 чеченцев и ингушей [4].

Добросовестный труд стал для спецпереселенцев единственным способом вживания в принимающую среду, стимулом к ударному труду явилась соревновательность, желание подтвердить, что карачаевец, балкарец, ингуш или чеченец – это лучший. Образцовая работа для депортированных была ритуалом и средством презентации этничности, способом утверждения себя как человека. В период спецпоселений, с одной стороны, усилилась этническая идентичность, с другой, начала складываться общекавказская идентичность выселенных с Северного Кавказа народов. Это произошло потому, что принимающее сообщество в депортированном чеченце, ингуше, балкарце или карачаевце видело первоначально переселенца с Северного Кавказа и, не различая, кто из них кто, называло всех кавказцами (кавказцы). По рассказам людей, переживших депортацию, каждую весну старики готовились уезжать на родину – на Кавказ. Возвращение на отчую землю было мечтой и навязчивой идеей. И как всякая мания она подогревалась всевозможными слухами о уже принятом решении, что депортированные народы должны вернуться на Кавказ, слухи обрастали деталями, подробностями и люди настолько уверовали в них, что нередко заключали сделки о продаже жилья, носильных вещей, живности. После возвращения на Кавказ и восстановления национальной государственности общекавказская идентичность стала постепенно замещаться этнической идентичностью.

Важную роль адаптации в местах спецпоселения играл язык. И в этом отношении тюркоязычные карачаевцы и балкарцы оказались в выигрышном положении, т.к. принимающая сторона также была тюркоязычная. Схожесть языка переселенцев с языком принимающей стороны (киргизов, казахов и узбеков) воспринималась местным населением как маркер схожести, родства и помогал быстрее наладить доверительные отношения между переселенцами и местными. Чеченцы и ингуши в силу языковых различий с принимающим сообществом прошли более длительный и сложный путь адаптации и выстраивания доверительных отношений.

Война, а следом насильственное выселение прервали динамичный процесс социокультурной модернизации депортированных народов, который проходил в рамках национально-территориальных государственных образований, но вместе с тем депортация и жизнь в местах спецпоселений коммутировала определенный заряд для модернистского рывка, хотя и страшной ценой. Так, по состоянию на 1 апреля 1949 на учете органов МВД

СССР состояло 335173 чеченцев и ингушей. Выслано же было 470449 человек. Следовательно, в процессе депортации и в новых местах расселения погибло 165276 чеченцев и ингушей, т.е. более 37 %. Тем не менее последующий период разнообразил операционный опыт представителей репрессированных народов. Жизнь в новых социополитических и социоэкономических условиях показала, что те, кто был открыт новому, быстро перенимали опыт других, любознательные и обладающими лидерскими качествами оказывались более успешными. С другой стороны, сложность пребывания и выживания в экстремальных условиях спецпоселений консервировала коллективистские, этнические факторы солидарности представителей традиционного этноса. Этот дуализм – индивидуализм и опора на этническую солидарность определяли, с одной стороны, высокую жизнестойкость, а с другой, формировали готовность к изменениям, переменам, овладению новым. В этой парадигме проходила и особая тяга к знаниям, к образованию: одним из главных ценностных ориентиров насильственно выселенных народов в местах спецпоселений стал стимул к получению профессий, требующих высокого уровня образования.

В конце 1950-х годов карачаевский, балкарский, ингушский и чеченский народы были реабилитированы, необоснованные обвинения с депортированных народов были сняты. 9 января 1957 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О преобразовании Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР», Указ «О преобразовании Черкесской автономной области в Карачаево-Черкесскую автономную область», о восстановлении «Чечено-Ингушской АССР». После восстановления государственности балкарского, карачаевского, чеченского и ингушского народов в 1957–1959 годы возвратились на историческую родину 9327 балкарских семей (35274 чел.), в Карачаево-Черкесскую автономную область – 20514 семей (73442 чел.) [8], а в Чечено-Ингушетию – 48273 из 92100 ингушей [11]. Вместе с тем несколько десятков тысяч же семей в основном в силу причин экономического и личного плана осталась жить в республиках Средней Азии и Казахстана не только в местах депортации, но и в других городах и населенных пунктах.

Выводы. Насильственное выселение народов Северного Кавказа в 1940-ые годы положило начало диаспоризации депортированных народов и стало своеобразным рывком в модернизационном развитии, который был осуществлен чеченцами, ингушами, балкарцами и карачаевцами в 1960-ые годы. Модернизационный процесс в СССР в 1960-ые годы проходил по линии образование – индустриализация и переход к нему депортированных народов был подготовлен как развитием системы образования после восстановления их государственности, индустриальным развитием государственно-территориальных

образований КБАССР, КЧАО, ЧИАССР, так и импульсам социокультурного характера, накопленным в депортационный период.

Диаспора северо-кавказских народов в странах Центральной Азии органично существует и развивается, вносит достойный вклад в развитие стран, ставшим для них второй родиной, при достаточно высоком уровне этнической идентичности. У диаспоральной части репрессированных северокавказских этносов сильно стремление сохранить свой язык и культуру, сохранять тесные связи с исторической родиной [9]. Этническая культура, праздники, институты родства, религия и язык являются одним из важных консолидирующих и этноберегающих факторов в диаспоре.

Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 11-06-00421.

Список литературы

1. Аккиева С.И., Мокаева А.М., Теммиев И.Ю. Вклад балкарского народа в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Вклад репрессированных народов в победу ...
2. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Народы в эшелонах. – М., 1998.
3. ГАРФ. Ф.Р. – 9479. Оп.1. Д.94-97. Справка о количестве спецпереселенцев, используемых на работах по отраслям промышленности (по контингентам).
4. Еремекбаев Ж.А. Чеченцы и ингуши в Казахстане. – Алматы, 2009. – С. 141.
5. Полян П.М. Насильственные миграции и география населения // Мир России. – 1994. – № 4.
6. Репрессированные народы России. Чеченцы и ингуши. – М., 1994. – С.148-149.
7. Сабанчиев Х.М. Балкарцы: выселение и возвращение. – Нальчик, 2008. – С.174.
8. Сабанчиев Х.-М.А. Балкарцы: выселение и возвращение. Нальчик: «Эльбрус», 2008. – С. 204; Карачаевцы. Выселение и возвращение (1943–1957): Материалы и документы. – Черкесск, 1993. – С. 143–144.
9. Сампиев И.М. Этническая идентичность ингушской диаспоры Казахстана и Тюмени: опыт сравнительного анализа // Социально-гуманитарные и этноязыковые проблемы общества. Сборник научных статей. – Назрань: Пилигрим, 2011. – С.138-139.
10. Шадт А.А. Этническая ссылка в СССР: территория выживания (характер труда и быта депортированных народов в условиях спецпоселения). 1940–1950-е гг. // История сталинизма: Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память: материалы международной научной конференции. Москва, 28-29 октября 2011 г./ отв. ред. Л.И. Бородкин, С.А. Красильников, О.В. Хлевнюк. – М., 2013. – С. 471.

11. Эдиев Д.М. Демографические потери депортированных народов СССР. – Ставрополь, 2003. – С.195.

Рецензенты:

Кушхабиев А.В., д.и.н., ведущий научный сотрудник Центра социально-политических исследований КБНЦ РАН, г. Нальчик.

Гудиева Л.У., д.п.н., профессор, зав. кафедрой философии ИнГГУ, г. Магас.